

Джованни Арриги

ГЛОБАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ И ГЕГЕМОНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЕ¹

ГЛОБАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ В МИРОСИСТЕМНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В миросистемном анализе понятие «правления» (глобального или какого-то другого) обычно использовалось для обозначения целенаправленного регулирования и руководства, которое определенные государства и международные организации осуществляли в области международных отношений. Как таковое, правление — это неотъемлемая составляющая понятия «мировой гегемонии» в грамшианском смысле дополнительного влияния, накапливаемого доминирующей группой за счет ее способности вести общество в направлении, которое отвечает интересам доминирующей группы, но воспринимается подчиненным группами как отвечающее также более общим интересам (Грамши 1959: 169). Понятые таким образом, мировые гегемонии были ключевыми составляющими формирования, воспроизводства и конечного преобразования миросистемы из региональной (то есть европейской) системы в глобальную. По мере того, как система становилась все более глобальной (начиная с XIX века), то же происходило и с правлением (Arrighi 1994; Arrighi and Silver 1999 and 2001).

С точки зрения миросистемного анализа, такое грамшианское понимание составляет исключение, а не правило. Правилom остается валлерстайновское понимание современной миросистемы как количественно растущей, но структурно неизменной анархичной / конкурентной системы. В таком понимании гегемонии не преобразуют систему и не предполагают правления (ср.: Wallerstein 1984, Arrighi and Silver 1999: 22–26). В этом отношении понятие мировой гегемонии, разработанное мной и моими соавто-

1 Giovanni Arrighi, «Global Governance and Hegemony in the Modern World System». In A. D. Ba and M. J. Hoffmann, eds., *Contending Perspectives on Global Governance: Coherence, Contestation and World Order*. London and New York: Routledge, 2005, p. 57–71.

рами в рамках миросистемного анализа, схоже с понятием гегемонии, заимствованным многими исследователями у Антонио Грамши (см., среди прочих: Cox 1983, 1987; Gill 1986, 1993; Gill and Law 1988; Overbeek 1993; Rupert 1995; Robinson 1996; Soederberg 2005). Но, в отличие от этих исследователей, мы сходимся с Валлерстайном в том, что структуры и процессы современной миросистемы могут быть поняты только в свете всей жизни системы, начиная с ее зарождения в Европе Нового времени и до наших дней.

Как будет показано в следующих разделах этой статьи, наш подход к миросистемному анализу предлагает объяснение гегемонии всей системы и правления, существенно отличающееся от объяснений, предложенных в рамках традиции того, что Хенк Овербек назвал «транснациональным историческим материализмом» (Overbeek 2003).

Как и теоретики, работающие в рамках этой традиции, мы считаем полезным рассмотрение современной миросистемы как капиталистической системы. И все же мы полагаем, что типичные черты современного капитализма, особенно процессы так называемой финансиализации и межгосударственной конкуренции за мобильный капитал, присутствовали в современной миросистеме задолго до того, как мировой капитализм стал способом производства в конце XVIII–начале XIX века. Для всестороннего рассмотрения этих черт целесообразнее определять мировой капитализм не как способ производства, подобно исследователям, работающим в традиции транснационального исторического материализма, а как способ накопления и управления, который на определенном этапе его развития становится также способом производства.

Излагая основные положения этого подхода к объяснению природы, происхождения и развития мирового капитализма как способа накопления и правления, я сначала сосредоточу внимание на основных структурных особенностях сменявших друг друга гегемоний, с которыми ассоциировался мировой капитализм. Эти структурные особенности включают, во-первых, масштаб, охват и сложность сменявших друг друга режимов накопления в растущей европейской (и в конечном итоге глобальной) межгосударственной системе, и, во-вторых, особый исторический блок государственных и деловых организаций, которые играли определяющую роль в формировании и регулировании этих режимов. В следующем разделе я рассмотрю процессы, которые привели к появлению и закреплению режимов еще большего масштаба, охвата и сложности, в конечном итоге сменивших предыдущие. Основываясь на этом анализе, в заключительном разделе я рассмотрю природу и возможные будущие направления развития глобального правления, существующего в современном мире.

СТРУКТУРЫ ПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЕ

Системное правление в растущем и в конечном итоге глобальном масштабе было фундаментальным условием воспроизводства современной миросистемы. Это расширение масштаба системного правления не было непрерывным

Диаграмма 1. Эволюционные закономерности мирового капитализма

Ведущее правительственное устройство	Тип режима/Цикл		Интернализированные издержки			
	Экстенсивный	Интенсивный	Защита	Производство	Операции	Воспроизводство
Мировое государство		американский	+	+	+	—
↑		↗			↑	
Национальное государство		британский	+	+	—	—
↑		↗		↑		
		голландский	+	—	—	—
↑		↗	↑			
Город-государство		генуэзский	—	—	—	—

Источник: Arrighi and Silver (2001: 265)

процессом. Скорее, оно происходило в ходе фундаментальных преобразований организации самой современной миросистемы, то есть в устройстве этой системы, а также в правительственных и деловых институтах, которые обеспечивали все необходимое правление и руководство для ее все более широкого воспроизводства. Динамика этих преобразований будет рассмотрена мною позднее. Пока же я сосредоточу внимание на некоторых действующих силах и структурах, сменявших друг друга по мере расширения системы.

Как было более подробно показано мной в другой работе, повторение смены фаз материальной экспансии, в ходе которых накопление капитала происходит, прежде всего, благодаря инвестициям в торговлю и производство, и фаз финансовой экспансии, в ходе которых накопление капитала происходит благодаря инвестициям в собственность и другие источники будущих доходов, позволяет нам выделить четыре последовательных «системных цикла накопления», каждый из которых имеет свою особую ведущую силу и организацию. Сравнение этих сил и организаций не только показывает различия между ними, но и встраивает такие различия в эволюционную последовательность все более крупных по своим масштабам и охвату и все более сложных режимов (Арриги 2006). Эта эволюция отображена на Диаграмме 1 (Arrighi and Silver 2001: 264–268). В первом столбце показаны соответствующие «вместилища власти» (так Энтони Гидденс называл государства), которые служили «штаб-квартирами» ведущих капиталистических сил при последовательных режимах: Генуэзская республика, Соединенные Провинции, Британия и Соединенные Штаты.

Во время подъема и полного развития генуэзского режима Генуэзская республика была небольшим по размерам и простым по организации городом-государством, который на самом деле обладал очень небольшим влиянием.

Тем не менее, благодаря своим широким коммерческим и финансовым сетям генуэзский капиталистический класс, организованный в космополитическую «нацию», мог разговаривать на равных с самыми сильными территориалистскими правителями Европы и превращать непрерывное соперничество между этими правителями за мобильный капитал в мощный двигатель самовозрастания своего собственного капитала. Во время подъема и полного развития голландского режима накопления Соединенные Провинции были гибридной организацией, которая сочетала в себе некоторые черты исчезающих городов-государств с некоторыми чертами складывающихся национальных государств. Большая мощь голландского государства по сравнению с генуэзским позволяла голландскому капиталистическому классу делать то, что уже было сделано генуэзцами, — превратить межгосударственное соперничество за мобильный капитал в двигатель самовозрастания своего собственного капитала, не «покупая» при этом защиту у территориалистских государств, как это вынуждены были делать генуэзцы. Иными словами, голландский режим «интернализировал» издержки на защиту, которые генуэзцы «экстернализировали» (см.: Диаграмма 1, столбец 4).

Во время подъема и полного развития британского режима накопления Британия была не только полностью развитым национальным государством и, как таковая, обладала более сложной организацией, чем Соединенные Провинции; она также была завоевательной торговой и территориальной империей, которая наделяла свои правящие группы и капиталистический класс беспрецедентной властью над людскими и природными ресурсами во всем мире. Это позволяло британскому капиталистическому классу делать то, что уже могли делать голландцы — извлекать пользу из межгосударственного соперничества за мобильный капитал и «производить» защиту, необходимую для самовозрастания своего собственного капитала, избегая при этом опоры на иностранные и зачастую враждебные территориалистские организации в агропромышленном производстве, на котором покоилась доходность его торговой деятельности. Если, в отличие от генуэзского режима, голландцы интернализировали издержки на защиту, то британцы, в отличие от голландцев, интернализировали еще и издержки производства (см.: Диаграмма 1, столбец 5). Вследствие этой интернализации мировой капитализм стал способом производства, оставшись при этом способом накопления и управления.

Наконец, во время подъема и полного развития американского режима накопления Соединенные Штаты представляли собой уже нечто большее, нежели просто развитое национальное государство. А именно континентальный военно-промышленный комплекс, обладающий достаточной силой, чтобы обеспечить действенную защиту широкому спектру зависимых и союзнических правительств и сделать вероятной угрозу экономического подавления или военного уничтожения недружественных правительств в любой части мира. В сочетании с размерами, изолированностью и природными богатствами собственных территорий, эта сила позволяла американскому капиталистическому классу «интернализировать» не толь-

ко издержки на защиту и производство, что уже было сделано британским капиталистическим классом, но и операционные издержки, то есть рынки, от которых зависело самовозрастание его капитала (см.: Диаграмма 1, столбец 6).

Этот непрерывный рост размеров, охвата и сложности сменявших друг друга режимов накопления капитала в мировом масштабе несколько заслоняется другой особенностью временной последовательности таких режимов. Речь идет об одновременном движении вперед и назад. Каждый шаг вперед в процессе интернализации издержек новым режимом накопления приводит к возрождению государственных и деловых стратегий и структур, отброшенных предыдущим режимом. Так, интернализация издержек на защиту голландским режимом сопровождалась возрождением стратегий и структур венецианского государственно-монополистического капитализма, на смену которому как раз и пришел генуэзский режим. Точно так же интернализация издержек производства британским режимом сопровождалась возрождением, в новых и более сложных формах, стратегий и структур генуэзского космополитического капитализма и иберийского глобального территориализма. И та же закономерность повторилась и при восхождении и полном раскрытии американского режима, который интернализировал операционные издержки, возродив в новых и более сложных формах стратегии и структуры голландского корпоративного капитализма (см.: Диаграмма 1, столбцы 1 и 2).

Это повторяющееся возрождение замененных ранее стратегий и структур накопления вызывает маятниковое движение вперед и назад между «космополитически-имперскими» и «корпоративно-национальными» организационными структурами: первые типичны для «экстенсивных» режимов, какими были генуэзский и британский, а вторые — для «интенсивных» режимов, какими были голландский и американский. Генуэзский и британский «космополитически-имперские» режимы были экстенсивным в том смысле, что они отвечали за географическую экспансию капиталистического мира-экономики. При генуэзском режиме мир был «открыт», а при британском — «завоеван». Голландский и американский «корпоративно-национальные» режимы, напротив, были интенсивными в том смысле, что при них происходила географическая консолидация, а не расширение современной миросистемы. При голландском режиме «открытие» мира, осуществленное, прежде всего, иберийскими партнерами генуэзцев, было включено в систему торговых перевалочных пунктов и акционерных компаний, сосредоточенных в Амстердаме. И при американском режиме «завоевание» мира, прежде осуществленное британцами, было включено в систему национальных рынков и транснациональных корпораций, сосредоточенных в Соединенных Штатах.

Это чередование экстенсивных и интенсивных режимов, естественно, осложняет понимание основной, по-настоящему долгосрочной тенденции ведущих сил системных процессов накопления капитала к росту размеров, охвата и сложности этих режимов. При движении «маятника» в сторону

экстенсивных режимов, как во время перехода от голландцев к британцам, основная тенденция усиливается. А при его движении в сторону интенсивных режимов, как во время перехода от генуэзцев к голландцам и от британцев к американцам, основная тенденция кажется менее значительной, чем на самом деле. Но при сравнении двух интенсивных режимов и двух экстенсивных друг с другом — генуэзско-иберийского с британским и голландского с американским — основополагающая тенденция становится очевидной.

Развитие исторического капитализма как миросистемы, таким образом, основывалось на формировании все более сильных космополитически-имперских (или корпоративно-национальных) блоков государственных и деловых организаций, способных расширять (или углублять) функциональный и пространственный охват мировой капиталистической системы. И все же, чем сильнее становились эти блоки, тем короче становился жизненный цикл режимов накопления — меньше времени требовалось для рождения этих режимов из кризиса предыдущего доминирующего режима, установления доминирования и достижения своих пределов к началу новой финансовой экспансии. Если опираться на броделевскую датировку начала финансовых экспансий, то для британского и американского режима это время было почти вдвое короче, чем для — соответственно — генуэзского и голландского (Arrighi and Silver 1994: 216–217).

Эта закономерность капиталистического развития, при которой рост влияния режимов накопления оказывается связанным с сокращением продолжительности их существования, заставляет вспомнить тезис Маркса о том, что «настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал» и что капиталистическое производство постоянно преодолевает свои имманентные пределы «только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе» (Маркс и Энгельс 1961: 274). Но противоречие между самовозрастанием капитала, с одной стороны, и развитием материальных производительных сил — с другой, можно сформулировать в еще более общих терминах. Ибо исторический капитализм как мировая система накопления стал «способом производства», то есть интернализировал издержки производства, только на своей третьей (британской) стадии развития. И все же то правило, что настоящим пределом для капиталистического развития служит сам капитал, что самовозрастание существующего капитала предполагает постоянное напряжение, иногда перерастающее в открытое противоречие с материальным ростом мира-экономики и созданием соответствующего мирового рынка, — это правило действовало уже на первых двух стадиях развития, несмотря на продолжающуюся экстернализацию агропромышленного производства ведущими силами накопления капитала в мировом масштабе.

Во всех случаях противоречие заключалось в том, что рост мировой торговли и производства служил лишь средством увеличения стоимости капитала, и все же со временем он приводил к снижению нормы прибыли и, следовательно, сокращению стоимости капитала. Благодаря сохраняющейся значимости в сетях крупных финансовых операций, сложившиеся организационные центры находились в наиболее благоприятном положении для того, чтобы исполь-

зовать растущую конкуренцию за мобильный капитал для своей собственной выгоды и при помощи этого вернуть свою прибыль и влияние за счет остальной системы. С этой точки зрения, восстановление американской прибыли и влияния в 1990-х соответствует закономерности, которая с самого начала была присуща мировому капитализму (Arrighi and Silver 1999: 272–275). Означает ли повторение этой давней закономерности, что на смену все еще доминирующему американскому режиму рано или поздно, как это было со всеми его предшественниками, придет другой режим? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо рассмотреть динамику переходов гегемонии, сосредоточив особое внимание на новизне нынешних преобразований.

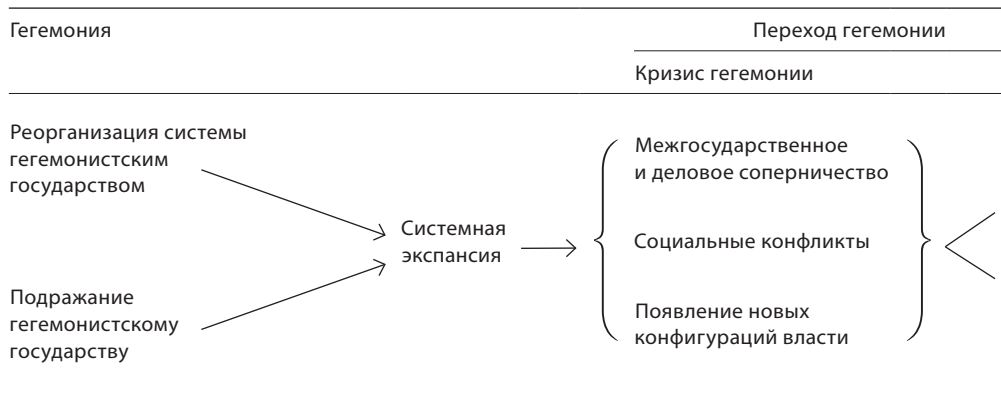
ДИНАМИКА СИСТЕМНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Осуществление системного правления силами и структурами, показанными на Диаграмме 1, было весьма прерывистым процессом, на котором сказывались все взлеты и падения мировых гегемоний. Я со своими соавторами разработал модель этого процесса, сравнив три последовательных гегемонистских перехода по четырем различным параметрам: геополитика, деловая организация, социальные конфликты и межцивилизационные отношения. В соответствии с этой моделью (см. Диаграмму 2), гегемонистские государства *руководили и управляли* системой, *восстановленной* ими после периода продолжительной и казалось бы безнадежной дезорганизации, который мы называем «системным хаосом» (подробное рассмотрение модели см.: Arrighi and Silver 1999: 26–35; Arrighi and Silver 2001: 261–271).

Исторически эту гегемонистскую роль способны были играть определенные государства, вроде Соединенных Провинций в XVII веке, Великобритания в начале XIX века и Соединенных Штатов в середине XX века, причем при двух условиях. Во-первых, доминирующие группы этих государств приобрели способность вести систему к новым формам межгосударственного сотрудничества и разделения труда, позволяющим избежать того, что Уолц назвал «тиранией мелочей», то есть преодолеть склонность отдельных государств преследовать свои национальные интересы, не считаясь с системными проблемами, требующими системных решений (Waltz 1979: 108–109). Иными словами, они были носителями эффективного «предложения» способности к мировому правлению. И, во-вторых, системные решения, предлагаемые потенциальным гегемоном, касались системных проблем, которые в силу своей остроты создавали среди существующих или складывающихся доминирующих групп системы «спрос» на системное правление. Когда эти условия спроса и предложения одновременно выполнялись, претендующее на гегемонию государство могло играть роль «заменителя правительства» в деле продвижения, организации и направления экспансии коллективной власти доминирующих групп системы (ср.: Waltz 1979: 196).

Как показано на Диаграмме 2, каждая системная экспансия была результатом взаимодействия двух видов руководства, определяющих гегемонистские ситуации: реорганизации системы, которая производится гегемонистским

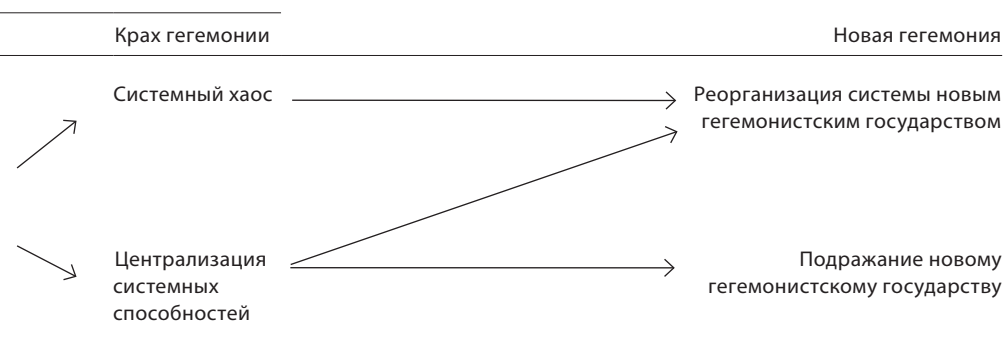
Диаграмма 2. Динамика переходов гегемонии

Источник: Arrighi and Silver (1999: 29)

государством, способствуя экспансии благодаря более широкому или глубокому разделению труда и специализации функций; и подражания гегемонистскому государству, которое дает отдельным государствам мотив, необходимый для мобилизации усилий и ресурсов в ходе экспансии. Между этими тенденциями всегда существует противоречие, потому что более широкое и глубокое разделение труда и специализация функций предполагают сотрудничество входящих в систему единиц, тогда как подражание основывается на конкуренции и подстегивает ее. Поначалу подражание проявляется в контексте, который располагает к сотрудничеству и тем самым служит движущей силой экспансии. Но экспансия увеличивает то, что Эмиль Дюркгейм называл «объемом» и «динамической плотностью» системы, то есть количество социально значимых единиц, которые взаимодействуют в рамках системы, а также число, разнообразие и скорость взаимодействий, которые связывают единицы системы друг с другом (Дюркгейм 1991). Со временем этот рост «объема» и «динамической плотности» приводит к усилению конкуренции между единицами системы, выходящей за рамки регулирующих способностей существующих институтов. Когда это происходит, вновь устанавливается тирания мелочей, власть гегемонистского государства приходит в упадок и наступает кризис гегемонии.

Как показано на Диаграмме 2, кризисы гегемонии характеризуются тремя различными, но тесно взаимосвязанными процессами: усилением межгосударственного и делового соперничества, ростом числа социальных конфликтов и появлением новых конфигураций власти. Форма, которую принимают эти процессы, и отношения между ними в пространстве и времени в каждом конкретном кризисе различны. Но определенное сочетание этих трех процессов встречается в двух уже завершенных переходах гегемонии — от голландской к британской и от британской к американской гегемонии, — а также в нынешнем переходе от американской гегемонии к еще пока неизвестному преемнику. Кроме того, различия в форме и пространственно-временной конфигурации во всех трех кризисах гегемонии — голландском, британском и американском — были связаны с закономерностью, которую

мы считаем наиболее очевидным проявлением капиталистической природы современной миросистемы. Этой закономерностью является повторение продолжительных периодов системной финансовой экспансии.

Финансовые экспансии — это симптомы основополагающего и неразрешенного кризиса перенакопления, который превращает капиталистическую игру в мировом масштабе из игры с положительной суммой в игру с отрицательной суммой. Они также были неотъемлемой составляющей кризисов гегемонии — прошлых и настоящих, — а также перерастания кризисов гегемонии в крах гегемонии (см. особ.: Арриги 2006: 280–310). Влияние финансовых экспансий на тенденцию к перерастанию кризиса в крах глубоко амбивалентно по своей сути. Поначалу они сдерживают ее, на какое-то время увеличивая влияние ослабевающего гегемонистского государства. Перефразируя Фернана Броделя, они являются «осенью» не просто важного самого по себе капиталистического развития, но и гегемонистских режимов, с которыми связано такое развитие (Бродель 1988: 377). Благодаря своему значению в сетях крупных финансовых операций, ослабевающий гегемон может с выгодой для себя использовать конкуренцию за мобильный капитал и тем самым сдерживать, по крайней мере на какое-то время, силы, которые бросают вызов его сохраняющемуся господству. Но со временем финансовые экспансии, расширяя и углубляя масштабы межгосударственной конкуренции и социального конфликта и перераспределяя капитал в пользу складывающихся структур, приводят к усилению тех же самых сил, которые обещают большую защиту или более высокую норму прибыли, чем доминирующая структура. Ослабевающие гегемонистские государства вынуждены заниматься сизифовым трудом, сдерживая силы, которые продолжают давить на них с новой энергией. Рано или поздно даже небольшое потрясение сможет сместить баланс сил в сторону тех, кто вольно или невольно подрывает стабильность существующих структур, тем самым провоцируя крах всего устройства системы.

Так было при всех переходах гегемонии в прошлом. Возможно, в нынешнем переходе лопнувший пузырь «новой экономики» и 11 сентября ретроспек-

тивно будут прочитаны как тревожные симптомы последующего упадка американской гегемонии. Но так или иначе, связанная с Соединенными Штатами финансовая экспансия трех последних десятилетий имеет поразительное сходство не только с британской финансовой экспансией конца XIX—начала XX века, но и с голландской финансовой экспансией середины XVIII столетия. Эти сходства делают нынешнюю экспансию и сопутствующее ей возвращение Америке признаков кризиса гегемонии сопоставимыми с соответствующими событиями 100 и 250-летней давности. Сравнивая эти три финансовые экспансии и кризисы гегемонии, мы можем обнаружить в нынешнем переходе важные новые черты. Эти новые черты особенно существенны для понимания настоящего и возможного будущего глобального правления.

В геополитическом отношении наиболее важной новой чертой нынешних преобразований является бифуркация военных и финансовых способностей, которой не наблюдалось в предыдущих переходах гегемонии. Во всех переходах прошлого финансовые экспансии характеризовались промежуточным появлением государственно-деловых комплексов, которые были (или могли стать) еще более мощными в военном и финансовом отношении, чем продолжающий пока доминировать государственно-деловой комплекс—так было случае с американским и британским комплексами в начале XX века, британским и голландским комплексом в начале XVIII века и голландским и генуэзским комплексом в конце XVI века. В нынешней ситуации, напротив, ничего подобного не наблюдается. Как и в прошлых переходах, ослабевающий, но все еще доминирующий американский комплекс превратился из главного мирового кредитора в главного мирового должника. Но, в отличие от прошлых переходов, военные ресурсы, имеющие глобальное значение, оказались сосредоточены в руках все еще доминирующего комплекса. Переживающий упадок гегемон находится в аномальной ситуации, так как никто не способен бросить ему военный вызов—в силу этого обстоятельства война между великими державами системы оказывается менее вероятной, чем в прошлом,—но при этом он не имеет финансовых средств для системного решения глобальных проблем—обстоятельство, которое вполне может привести к краху гегемонии и без мировой войны между входящими в систему великими державами (Arrighi and Silver 1999: 88–96, 263–270, 275–278, 286–289).

Не менее важна и социальная новизна нынешних преобразований. При прошлых переходах гегемонии системные финансовые экспансии способствовали эскалации социальных конфликтов. Серьезное перераспределение приобретений и социальных нарушений, вызванных финансовыми экспансиями, приводило к появлению движений сопротивления и бунтов подчиненных групп и страт, образ жизни которых оказывался под угрозой. В сочетании с межгосударственной борьбой за власть такие движения в конечном итоге заставляли доминирующие группы создавать новый гегемонистский социальный блок, выборочно включавший ранее исключенные группы. При переходе от голландской к британской гегемонии стремление европейских имущих классов к большему политическому представительству и стремление поселенческой буржуазии Америки к самоопределению

были удовлетворены в новом доминирующем социальном блоке. При переходе от британской к американской гегемонии в сочетании с бунтом против Запада и восстаниями рабочего класса гегемонистский социальный блок стал еще шире за счет обещания глобального «Нового курса». Рабочим классам более богатых стран Запада были обещаны гарантии занятости и широкое массовое потребление. Элитам незападных стран было обещано право на национальное самоопределение и развитие (то есть содействие в достижении стандартов богатства и благосостояния, заданных странами Запада). Но вскоре стало ясно, что этот пакет обещаний выполнить невозможно. Кроме того, это породило у подчиненных страт ожидания, которые представляли серьезную угрозу для стабильности и в конечном итоге ускорили кризис американской гегемонии (Arrighi and Silver 1999: 153–216).

В этом состоит особенность социального кризиса в сравнении с более ранними кризисами гегемонии. Кризис голландской гегемонии был затяжным процессом, в ходе которого системная финансовая экспансия произошла довольно поздно, а системный социальный конфликт — еще позднее. Кризис британской гегемонии разворачивался быстрее, но системная финансовая экспансия все еще предшествовала системному социальному конфликту. Но при кризисе американской гегемонии системный взрыв социального конфликта конца 1960-х — начала 1970-х, напротив, предшествовал и полностью определил последующую финансовую экспансию. Нынешняя финансовая экспансия была, перефразируя Валлерстайна (Wallerstein 1995: 25), прежде всего инструментом сдерживания общих требований народов незападного мира (сравнительно небольших в пересчете на человека, но зато касающихся большого числа людей) и западных рабочих классов (касающихся небольшого числа людей, но довольно значительных в пересчете на человека). Финансовая экспансия и связанная с ней реструктуризация глобальной политэкономии, несомненно, в большой мере способствовали дезорганизации социальных сил, которые были носителями этих требований во время потрясений конца 1960-х — 1970-х годов. Но в то же самое время основное противоречие мировой капиталистической системы, которая создает мировой пролетариат, но не может обеспечить ему достаточный прожиточный минимум (то есть свои важнейшие издержки воспроизводства), не только не разрешилось, но стало еще более острым, чем прежде (Arrighi and Silver 1999: 282–286).

Социальная потребность в интернализации издержек воспроизводства в структурах мирового капитализма никуда не исчезла. И все же бифуркация военной и финансовой мощи и децентрализация финансовой власти в не самых сильных государствах не предвещает легкого или неизбежного удовлетворения этой потребности при помощи новых и более эффективных институтов глобального правления. Это не значит, что кризис перенакопления, лежащий в основе продолжающейся финансовой экспансии, неразрешим. Скорее, это значит, что кризис имеет не одно возможное решение, и то, какое решение в конечном итоге воплотится на практике, зависит от продолжающегося процесса борьбы, которому еще только предстоит развернуться.

Существенную роль в этом процессе борьбы сыграет третья важная новая

черта происходящих преобразований (которая лишь еще больше осложнит картину): сдвиг эпицентра мировой экономики в Восточную Азию, которая, в отличие от всех предыдущих организационных центров мирового капитализма, находится за историческими границами западной цивилизации. Именно этот сдвиг заставил Сэмюэля Хантингтона (Хантингтон 1993) выдвинуть свою весьма влиятельную идею грядущего «столкновения цивилизаций». В действительности столкновение между западными и незападными цивилизациями было неизменной составляющей исторического процесса, в ходе которого европейская капиталистическая система стала глобальной. Переход от голландской к британской гегемонии был отмечен насильственным завоеванием или дестабилизацией местных азиатских миросистем. Переход от британской гегемонии к американской поначалу был отмечен дальнейшим расширением территориальных империй в Азии и Африке, но затем последовало широкое восстание против господства Запада (Arrighi and Silver 1999: 219–263).

При американской гегемонии карта мира была перекроена с учетом требований национального самоопределения. В общем и целом эта новая карта отражала наследие западного колониализма и империализма, включая культурную гегемонию, которая побудила незападные элиты к тому, чтобы требовать для себя более или менее жизнеспособных «национальных государств», берущих за образец политическую организацию их бывших имперских метрополий. Но имелось также одно важное исключение из правила: Восточная Азия. За исключением некоторых стран на ее южных окраинах (прежде всего Индонезии, Малайзии, Филиппин и городов-государств Гонконга и Сингапура), наиболее важные страны этого региона, которые раньше входили в расширенную Вестфальскую систему — от Японии, Кореи и Китая до Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Таиланда, — имели государства еще до появления здесь европейцев. Более того, все эти страны имели тесные дипломатические и торговые связи друг с другом (напрямую или через китайский центр) и придерживались общего понимания принципов, норм и правил, которые регулировали их взаимодействие как особого мира (Arrighi *et al.* 2003).

Интегрировать эти геополитические остатки в американский порядок времен холодной войны было так же сложно, как и в британский миропорядок. Границы между американскими и советскими сферами влияния в восточноазиатском регионе начали нарушаться почти сразу же после того, как оказались установлены — сначала в результате китайского бунта против советского господства, а затем неспособности Америки расколоть вьетнамскую нацию. Потом, хотя обе сверхдержавы усилили свою конкуренцию на заключительном этапе холодной войны, различные части восточноазиатской головоломки заново собрались в самую динамичную региональную экономику мира. Достаточно вспомнить, что в 1960 году во время наивысшего расцвета американской гегемонии ВВП Восточной Азии составлял всего 35 % американского ВВП. Но к 1990 году она почти догнала по этому показателю Соединенные Штаты (91 %). В 1990-х возобновление американского роста и японский крах несколько замедлили дальнейший сдвиг, но остановить его так и не смогли — восточноазиатский ВВП продолжил свой рост по отношению к северо-

американскому ВВП, достигнув к 1998 году 92%, в первую очередь благодаря дальнейшему росту в «китайском круге» (материковом Китае, Сингапуре, Гонконге и Тайване). Но эти цифры не позволяют оценить всю значительность произошедшего сдвига. Сохраняющееся положительное сальдо торгового баланса Японии и «китайского круга», с одной стороны, и непрестанно растущий дефицит торгового баланса Америки — с другой, в еще большей мере поспособствовали смене ролей Восточной Азии и Соединенных Штатов в международной кредитной системе (Arrighi *et al.* 2003). Сложности, связанные с невозможностью осуществления эффективного глобального правления из-за бифуркации военной и финансовой власти, еще больше усилились вследствие «миграции» последней за пределы западной цивилизации.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Новые геополитические, социальные и цивилизационные особенности продолжающихся преобразований глобальной политической экономики существенно осложняют осуществление глобального правления. С этой точки зрения беспрецедентная концентрация имеющей глобальное значение военной силы в руках Соединенных Штатов и их ближайших союзников, а также формирование транснационального капиталистического класса, описанное некоторыми авторами, работающими в традиции транснационального исторического материализма, представляются бесспорными, но в то же время обманчивыми. Они обманчивы, потому что реальная проблема осуществления глобального правления не имеет отношения к *абсолютному* уровню американской военной мощи или совокупной экономической мощи складывающегося транснационального капиталистического класса. Проблема в том, являются ли эти силы — какими бы значительными они ни были по историческим меркам — носителями возможного решения геополитических, социальных и междоцивилизационных проблем, лежащих в основе кризиса американской гегемонии, или же они представляют собой всего лишь фактор по-прежнему существующей тенденции к преобразованию международных отношений из игры с положительной суммой в игру с отрицательной суммой и возможного краха миротсистемы, сложившейся при американской гегемонии.

Как заметил Дэвид Коллео, «международная система терпит крах не только потому, что новые и агрессивные державы стремятся доминировать над своими соседями, но еще и потому, что переживающие упадок державы вместо того, чтобы попытаться приспособиться к изменившимся условиям, стремятся закрепить свое тающее влияние в эксплуататорской гегемонии» (Calleo 1987: 142). В граммшианской терминологии «эксплуататорская гегемония» Коллео соответствует тому, что Ранаджит Гуха назвал «господством без гегемонии» (Guha 1992: 231–232). С учетом этого обстоятельства проведенное Коллео различие оказывается весьма полезным в отслеживании фундаментального сдвига в механизмах упадка гегемонии.

Так, проведенное нами сравнение переходов гегемонии в прошлом показывает, что от одного перехода к другому роль агрессивных новых держав

в ускорении системных крахов снижалась, а роль эксплуататорского господства слабеющего гегемона — возрастала. Мировое влияние Голландии в последние десятилетия ее гегемонии настолько ослабло, что роль голландского сопротивления в общем крахе системы была совсем незначительной в сравнении с ролью, которую сыграло появление агрессивных национальных государств, занятых строительством империй, — речь здесь идет прежде всего о Великобритании и Франции. Ко времени упадка своей гегемонии Великобритания, напротив, оставалась достаточно сильной, чтобы превратить свою гегемонию в эксплуататорское господство. Хотя появление агрессивных новых держав, прежде всего, Германии, все же сыграло определенную роль в упадке завязанной на Британию миросистемы, не менее важным было также британское нежелание приспособливаться к переменам.

Сегодня мы пришли к другой крайности. Ни одна агрессивная новая держава не сможет вызвать крах завязанной на Соединенные Штаты мировой системы, но Соединенные Штаты имеют еще больше возможностей, чем Британия сто лет тому назад, для того, чтобы превратить свою ослабевающую гегемонию в эксплуататорское господство. Если система в конечном итоге потерпит крах, это произойдет, прежде всего, из-за американского нежелания приспособливаться к меняющимся условиям. И наоборот, американское приспособление — прежде всего, но не только — к растущему экономическому влиянию восточноазиатского региона служит важным условием для некатастрофического перехода к новому мировому порядку.

В настоящее время наблюдается не слишком много признаков того, что такое приспособление действительно происходит. Напротив, реакция Соединенных Штатов на 11 сентября (и лопнувший пузырь «новой экономики») свидетельствует о слепой опоре на силу — военную силу, в частности, — которая должна компенсировать растущий в американской гегемонии дефицит такой важной составляющей как согласие. И если бы у нас были минимально валидные и надежные измерения составляющих «силы» и «согласия» американской глобальной державы (а их у нас нет), мы скорее всего обнаружили бы такой резкий спад в составляющей согласия американской силы после войны с Ираком, что дальше мы бы говорили не об американской гегемонии, а об американском господстве без гегемонии.

В этих обстоятельствах перспективы всякого глобального правления в ближайшем будущем выглядят весьма мрачно. Наиболее вероятный сценарий — это все более серьезный и по-видимому необратимый распад системы или системный хаос. Когда и как этот новый период системного хаоса приведет к установлению новой гегемонии и нового периода глобального правления — и приведет ли вообще, — трудно сказать. Все, о чем мы можем говорить с некоторой уверенностью, — это то, что такая гегемония будет возможна, только если она сможет обеспечить минимально надежное решение геополитических, социальных и междоцивилизационных противоречий, вызвавших кризис американской гегемонии, но так и не удостоившихся внимания, которого они действительно заслуживают.

Перевод с английского Артема Смирнова

ЛИТЕРАТУРА

- Арриги Дж. (2006) *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. Москва: Территория будущего.
- Бродель Ф. (1988) *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 2: *Игры обмена*. Москва: Прогресс.
- Грамши А. (1959) *Избранные произведения в 3-х томах*. Т. 3. Москва: Политиздат.
- Дюркгейм Э. (1991) *О разделении общественного труда; Метод социологии*. Москва: Наука.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1961) *Сочинения*. Т. 25. Ч. 1. Москва: Издательство политической литературы.
- Хантингтон С. (1994) «Столкновение цивилизаций? » *Полис*. № 1. С. 33–48.
- Arrighi, G. and Silver, B. J. (1999) *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Arrighi, G. and Silver, B. J. (2001) «Capitalism and World (Dis) order», *Review of International Studies* 27: 257–279.
- Arrighi, G., Hamashita, T. and Selden, M. (2003). «Introduction», in G. Arrighi, T. Hamashita, and M. Selden (eds) *The Resurgence of East Asia: 500, 150 and 50 Year Perspectives*. London: Routledge.
- Arrighi, G., Hui, E, Hung, H., and Selden, M. (2003) «Historical Capitalism East and West», in G. Arrighi, T. Hamashita, and M. Selden (eds) *The Resurgence of East Asia: 500, 150 and 50 Year Perspectives*. London: Routledge.
- Calleo, D. (1987) *Beyond American Hegemony: The Future of the Western Alliance*. New York: Basic Books.
- Cox, R. (1983) «Gramsci, Hegemony, and International Relations: An Essay in Method», *Millennium: Journal of International Relations*, XII, 2: 162–175.
- Cox, R. (1987) *Production, Power, and World Order: Social Forces in the Making of History*. New York: Columbia University Press.
- Giddens, A. (1987) *The Nation-State and Violence*. Berkeley: University of California Press.
- Gill, S. (1986) «Hegemony, Consensus, and Trilateralism», *Review of International Studies* XII: 205–221.
- Gill, S. (ed.) (1993) *Gramsci, Historical Materialism, and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gill, S. and Law, D. (1988) *The Global Political Economy: Perspectives, Problems and Policies*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
- Guha, R. (1992) «Dominance without Hegemony and Its Historiography», in R. Gupta (ed.) *Subaltern Studies IV*. New York: Oxford University Press, 210–305.
- Overbeek, H. (1993) *Restructuring Hegemony in the Global Political Economy: The Rise of Transnational Mo-liberalism in the 1980s*. London: Routledge.
- Overbeek, H. (2003) «Class, Hegemony, and Global Governance: A Historical Materialist Perspective», paper presented at the International Studies Association Meeting, Portland, Oregon, February 26 — March 1.
- Robinson, W. (1996) *Promoting Polyarchy. Globalization, US Intervention, and Hegemony*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rupert, M. (1995) *Producing Hegemony: The Politics of Mass Production and American Global Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Soederberg, S. (2005) *The Politics of the New Financial Architecture: Reimposing Neoliberal Domination in the Global South*. London: Zed Books.
- Wallerstein, I. (1984) *The Politics of the World-economy. The States, the Movements and the Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wallerstein, I. (1995) «Response: Declining States, Declining Rights?» *International Labor and Working-Class History* XLVII: 24–27.
- Waltz, K. (1979) *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley.